

Игорь Губерман: «Россия, Израиль, любовь, жизнь...»

17 и 18 сентября в Московском театральном-концертном центре Павла Слободкина (Старый Арбат, 48) состоится выступление поэта Игоря Губермана. Сразу после приезда знаменитый автор гарики дал интервью нашему корреспонденту.

Ирина Беляева

— С приездом! Чем Москва удивила вас на этот раз?

— Спасибо, но Москву я пока не успел повидать целиком, потому что приехал и сразу окунулся в работу. Однако Москва на этот раз меня очень удивила фестивалем еврейской книги на книжной ярмарке. И мне это было ужасно фантастично!

— А чем вы, в свою очередь, планируете удивить Москву? Вы подготовили новую концертную программу «Иерусалимские гарики», чем она будет принципиально отличаться от ваших ранних выступлений?

— Москву смешно пытаться удивить, смехом или слезами. Москву не удивишь! Поэтому на моих концертах я не удивить Москву хочу, а своих читателей порадовать новыми стихами, новыми байками и так далее.

— В новую программу «Иерусалимские гарики» входят и новые, и старые стихи?

— Материал разнообразный, есть и совсем старые

стихи, из того, что было написано еще в России, есть и новые, написанные в Иерусалиме, за все время моей жизни там. Но это некий иной взгляд на вещи, как мне кажется. И потом, для меня это такой бенефисный год. Но об этом, я, впрочем, расскажу на концерте — в чем состоит мой бенефис — он довольно необычный... И благодаря этому все мои новые и старые стихи собраны вокруг некой темы.

— Что вдохновляет на написание стихов сейчас, а что — прежде?

— То же самое, что и раньше. Я вообще не люблю этого выражения «что вдохновляет», вы уж меня простите за суровость, угрюмость и замкнутость, но меня вдохновляют те же вещи, что и раньше: Россия, Израиль, любовь, жизнь, смерть, друзья, выпивка. Темы остались прежними.

— А когда легче писалось: когда все запрещали и приходилось вести полуподпольную деятельность или сейчас, когда можно практически все?

— Конечно же, легче писалось, когда я был молодой, и

никакие режимы здесь ни при чем.

— Если бы вы начали работать в наше время, на свет появились бы гарики?

— Да, конечно! Разумеется! Я ведь пишу и сейчас, и форма несколько не изменилась, как и содержание.

— В гариках вы часто используете к месту и по делу русский мат. А в иврите есть такая же экспрессивная лексика?

— Вы знаете, нет. И не только в иврите, я думаю, что вообще и в других языках ничего равного русской неформальной лексике нет нигде абсолютно!

— Как вы согласились приехать в Москву на еврейский Новый год? Наверное, это семейный праздник?

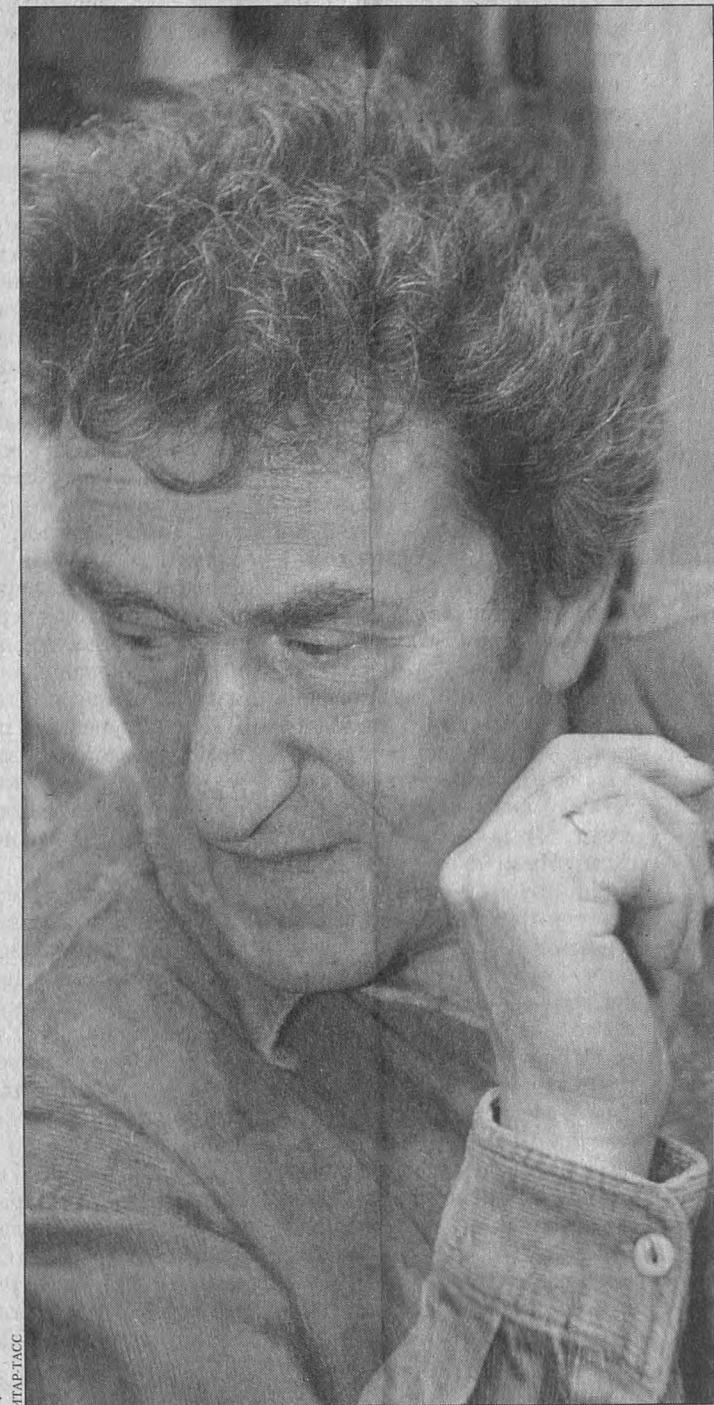
— Нет, еврейский Новый год — не семейный праздник, у нас, во всяком случае, в семье. Семейный праздник для нас — это обычный регулярный Новый год с 31 декабря на 1 января, и мы его исправно празднуем уже много лет, хотя живем в Израиле. У нас там есть и елка, и Дед Мороз, и Снегурочка, и подарки, и все остальное.

— А как обычно отмечаете?

— Сам по себе еврейский Новый год мы празднуем как придется. Ну, жена там еще готовит голову рыбы, вареную свеклу, в общем, то, что полагается по традиции. Но я в этом слабо ориентируюсь, хотя для меня это обычная вещь.

— Каково ваше напутствие всем, кто придет на концерты?

— Я всем желаю получить огромное удовольствие и надеюсь, что все его получат!



ИТАР-ТАСС

Не хочу удивлять!